

«ДЕЛО» ЛУЗИНА И ФРАНЦУЗСКИЕ МАТЕМАТИКИ¹⁾

Публикация, введение и примечания

П.Дюгак

Памяти А.П.Юшкевича

Введение

В 1988 г. А.П.Юшкевич и я опубликовали статью о «деле» Лузина, которая заканчивалась обещанием [1, с.35]: «Мы надеемся вернуться к этому "делу" и опубликовать статьи с документами как на русском, так и на французском языках».

Н.С.Ермолаева напомнила мне об этом обещании и побудила меня опубликовать письма, которыми по этому поводу обменивались французские математики.

Когда я расспрашивал А.Данжуа во время моей работы о Р.Бэре, он говорил мне о своем досье «Процесс Лузина, 1936 г.», которое было в его распоряжении и с которым его жена разрешила мне ознакомиться после его кончины в 1974 г. Я составил об этом «деле» машинописный текст почти на 100 страниц, который я разослал, начиная с 1978 г., разным лицам, в числе которых были Бос (H.J.M.Bos), Фрейденталь (H.Freudenthal), Э.Кольман (A.Kolman), Куратовский (K.Kuratowski), Мовен (J.Mawhin), де Рам (G.de Rham), А.Вейль (A.Weil) и А.П.Юшкевич.

1) Перевод с французского и дополнительные примечания Н.С.Ермолаевой.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (коды проектов: №98-03-04084, №99-03-19868).

Между французскими математиками переписка началась еще до так называемого «дела» в 1936 г. и касалась трудностей, которые Лузин имел с советскими властями еще в 1931 г.

Первое письмо было написано В.Серпинским и адресовано А.Данжуа 31 декабря 1931 г. В.Серпинский встретился с Лузиным во время Первой мировой войны. В начале войны Серпинский работал во Львовском университете и был интернирован царскими властями сначала в Вятку, затем в Москву. К.Куратовский по этому поводу пишет [2, с.10]:

«Два выдающихся русских математика, Егоров и Лузин, сердечно приняли его в Москве и создали ему [Серпинскому] благоприятные условия для продолжения его научной работы. Именно с этого времени начинаются важные работы, написанные совместно профессорами Серпинским и Лузиным; эти работы ознаменовали начало их дальнейшего сотрудничества, которому суждено было длиться долгие годы».

Что касается А.Данжуа, который считал Лузина «одним из самых крупных аналитиков в мире» [3, с.181], то их дружба началась в Париже в 1926 г. [3, с.182].

Глубокое влияние на Лузина оказали работы Лебега. Способ Лебега (1905 г.) для построения функции, не принадлежащей ни к одному классу в классификации функций Бэра, привел Лузина к его методу решета.

П.Монтель, один из участников переписки, окончил Высшую нормальную школу, как и Лебег, в 1894 г.; он был его лучшим другом и оставался им до самой смерти Лебега в 1941 г.

Сегодня нас поражает мысль о том, что смог сделать тоталитаризм со здравомыслящими и честными людьми. Можно ли надеяться, что в будущем мы не встретимся снова с таким же безумием?

I

Письмо В.Серпинского к А.Данжуа

Варшава, 31 декабря 1931 г.

Дорогой коллега,

Я бесконечно виноват перед Вами из-за моего столь долгого молчания. Но это вовсе не потому, что я не думал о Вас. Я часто о Вас думаю, по из-за моих многочисленных дел я был вынужден задержаться с ответом.

Кроме моих обычных занятий (Университет¹, Фундамента², Союз преподавателей, председателем которого я являюсь), новые обязанности и ответственные дела свалились па меня. В ноябре я был избран президентом Общества науки и литературы Варшавы.

Фактически это одна из Академий наук нашей столицы, и только в силу вторичных причин (в своей части исторического характера) название Академии сохранилось только для Польской академии, находящейся в Кракове. Наша же Академия даже более старая, по вот уже сто лет, как русские ее закрыли³. Она подразделяется на 5 факультетов: один из них (3-ий) — это факультет математических и физических наук, 5-ый — это Академия технических наук. Члены Академии делятся па ординарных и корреспондентов; их число ограничено (20 на факультет). Общество размещается во дворце Сташица — мне жаль, что не было времени показать Вам его внутри во время Вашего столь короткого визита в Варшаву.

Вот уже несколько недель как в Варшаве останавливался г-н О.Блюменталь⁴, возвращавшийся из СССР, куда он был приглашен для чтения лекций в Москве, Ленинграде, Харькове и Тифлисе. Он рассказывает, что теперь на математиков, которые занимаются вопросами, не дающими сразу приложений, косо смотрят и их считают контрреволюционерами в математике (например, тех, кто занимается теорией множеств). Что касается Лузина, то он был вынужен заняться астрономией. Он прислал мне свой мемуар на эту тему⁵.

У меня не было писем от Лузина в течение шести месяцев: только в декабре я получил от него письмо. Из того, что он мне пишет, я понял, что только в случае получения им официального, особого приглашения от Организационного комитета конгресса в Цюрихе и предложения прочесть там доклад⁶, он сможет получить от своего правительства разрешение на выезд. Еще он мне пишет, что подобные официальные приглашения были посланы С.Бернштейну и Н.Крылову, и что эти два математика поедут в Цюрих. Может быть, можно помочь ему?

Моя жена напишет на днях госпоже Данжуа.

Мое почтение госпоже Данжуа и мои наилучшие пожелания на Новый 1932 год,

Искренне Вам преданный

В.Серпинский

II

Письмо В.Серпинского к А.Данжуа

Варшава, 21 апреля 1932 г.

Я получил письмо от г-на Лузина. Он пишет мне, что есть большие трудности с получением разрешения его правительства поехать па Конгресс в Цюрих.

Г-н Фьютер⁷ послал ему приглашение, но на его домашний адрес в Москве, как профессору Московского университета. Однако, как он пишет, такое приглашение не имеет никакого значения, так как он больше не является профессором университета. Он написал г-ну Фьютеру, прося его прислать ему приглашение через Академию наук СССР (то есть Организационный комитет конгресса должен будет просить Академию в Ленинграде делегировать на Конгресс своего сочлена, г-на Николая Лузина). Однако г-н Фьютер не ответил. Между тем г-н Крылов, который был приглашен Конгрессом прочитать там лекцию, получил разрешение поехать на Конгресс.

Еще г-н Лузин пишет мне:

«Один из членов Академии советует мне использовать Общество интеллектуальной кооперации, отделения которого имеются в различных странах. Вот его Московский адрес: Москва, Трубников переулоч, 17. Заявки на делегирование кого-либо должны быть присланы или Конгрессом, или Институтом высших исследований Бельгии, или Институтом Анри Пуанкаре, или же каким-либо другим того же рода».

Может быть, можно помочь Лузину? Может быть, достаточно будет приглашения, отправленного непосредственно в Академию в Ленинграде?

Надеюсь, что увижу Вас на Конгрессе в Турну-Северине⁸.

Прошу Вас передать мое почтение г-же Данжуа. Наилучшие пожелания от моей жены и моего сына.

Сердечно преданный Вам

В. Серпинский

III

Письмо В.Серпинского к А.Данжуа

Варшава, 19 октября 1932 г.

Дорогой коллега,

Искренне благодарю Вас за Вашу любезную открытку. Сожалею, что не смог встретиться с Вами в Цюрихе.

Что касается Лузина, новости, полученные мною на днях от его жены, очень тревожные. Г-н Лузин этим летом поехал со своей женой на несколько недель в Гагру в Крыму⁹. Из-за чрезвычайно плохих санитарных условий летом там была эпидемия, и г-н Лузин вот уже несколько недель серьезно болен (между жизнью и смертью — как пишет г-жа Лузина). Он остается в Гагре, и его нельзя перевезти в Москву, так как железная дорога далеко от Гагры.

Условия, в которых вынуждены теперь работать в СССР ученые, в частности математики, очень трудные. Как Вы знаете, ни г-н Лузин, ни г-н Бернштейн (Сергей), ни г-н Крылов не были в Цюрихе: им было отказано в получении паспортов. Шеф советской делегации Кольман говорил на Конгрессе глупости о взглядах Карла Маркса, касающихся основ дифференциального исчисления¹⁰. Посылаю Вам небольшую выдержку из официальной декларации, помещенной в последнем выпуске московского «Математического сборника»¹¹, а также статью швейцарского математика, г-жи Софи Пикар из Невшателя, которая несколько лет прожила в СССР и которая хорошо знает царские там условия¹².

Мои жена и сын просят передать, что тепло вспоминают Вас. Сблаговолите передать мой почтительный привет г-же Данжуа.

Сердечно преданный Вам

В. Серпинский

IV

Письмо В.Серпинского к А.Данжуа

Варшава, 30 июля 1936 г.

Дорогой коллега и друг,

Вернувшись с Конгресса в Осло, в котором не принял участия ни один русский¹³, я узнал ужасную новость, касающуюся нашего друга Лузина. В московской газете «Правда» от 14 июля помещена статья, озаглавленная «Враг, с которого сорвана маска»¹⁴. Посылаю Вам французский перевод — слово в слово — этой статьи. Оказывается, что по инициативе Павла Александрова и его сотрудников была образована комиссия из членов Академии [наук] СССР¹⁵ для изучения очень тяжких обвинений, предъявленных Лузину его бывшими «благодарными» учениками, которые требовали изгнания Лузина из Академии. Эти возражения были в основном политического толка. Лузина упрекают в том, что он публиковал самые важные результаты во французских изданиях, в том, что он отказался подписать провокационный адрес к французским ученым — слово «Франция» при этом явно не называлось по очевидным мотивам. Все это верно, но это было именно в то время, когда г-н Александров находился в Германии и публиковал свои результаты по-немецки и в немецких сборниках. Более того, только несколько месяцев тому назад, в Германии вышла большая книга г-на Александрова и г-на Хопфа — который сам является немцем, живущим в Швейцарии¹⁶.

Затем Лузина упрекают за его поведение до 1918 г., говоря, что он был на стороне правых и что он так с правыми и остался.

Чтобы уничтожить Лузина морально, ему вменяют то, что он систематически крал идеи у своих учеников, особенно у Суслина¹⁷. Каждый, кто хоть немного знает Лузина, понимает, что подобный упрек не имеет никаких оснований.

Действия г-на Александра и его компаньонов, конечно, есть такая подлость, на которую, что даже невозможно представить, был бы способен ученый.

В своем письме от 27 июля 1935 г. — то есть вот уже год назад — г-н Лузин писал:

«Возвращаясь теперь к очень трудной для меня самозащите по поводу приписывания Суслину тех результатов, на которые он не имел никакого права и которых у него даже в мыслях не было, я должен сказать, что эта самозащита спровоцирована очень большой и совершенно реальной опасностью. Г-н Александров имеет виды войти в Академию наук в качестве действительного члена, сместив меня. С этой целью он требует пересмотра моих работ, заявляя, что я не имею права быть членом Академии, поскольку мои идеи все украдены у Суслина. Такой пересмотр вполне возможен и реален».

Когда я был в Москве, в сентябре 1935 г.¹⁸, г-н Александров заверил меня, что опасения Лузина — чисто мнимые, и что он очень уважает Лузина, своего бывшего учителя. В моем присутствии Александров протянул руку Лузину и объявил, что всегда будет его другом.

Теперь имеются две проблемы.

Первая такова: как можно помочь Лузину? К сожалению, ввиду явных политических причин, всякое действие, происходящее от польских ученых, могло бы только повредить Лузину. Я думаю, что, может быть, французские ученые могли бы помочь Лузину, заявив в совершенно дружеской манере послу СССР в Париже, что упреки Лузину, кроме тех, что касаются его дружеского расположения к Франции, не имеют никаких оснований, и что, если Лузина исключат из Академии и заменят Александровым, это повредит престижу Академии [наук] СССР. В действительности, невозможно понять, что же выиграют Советы от всей этой омерзительной истории.

Что касается нас, поляков, мы, конечно, должны выступить с резкой декларацией, но только в случае, если Лузин будет исключен из Академии [наук] СССР. Это надо потому, что Лузин — иностранный почетный член Польской академии и что он является единственным советским доктором *honoris causa* польского

университета. Эта декларация, естественно, разорвет все связи между польскими учеными и учеными СССР.

Вторая проблема—это проблема с Александровым.

Г-н Александров был приглашен Варшавским университетом читать лекции осенью 1936 г. Естественно, теперь это приглашение будет отозвано.

Однако я придерживаюсь того мнения и того же мнения мои польские коллеги, что присутствие господ Александрова, Хинчина, Колмогорова, Шнирельмана, которые самым нечестным образом выступили против своего бывшего учителя и ложно обвинили его, — нельзя терпеть ни в каком собрании честных людей. Они не смогут, таким образом, участвовать ни в одном международном конгрессе и ни в какой комиссии. Я думаю, что подобная декларация, подписанная математиками всех цивилизованных стран, будет необходима. Это совсем не является политической или социальной акцией. Г-н Александров и компания совершили подлость, которая должна рассматриваться как таковая, независимо от каких-либо политических или социальных режимов. Терпимость ввиду такой подлости была бы неппростительной.

Примите, дорогой коллега и друг, выражение моих самых преданных чувств.

В. Серпинский

P.S. Мой адрес до 25 августа будет такой: Prof.W.Sierpinski, Czerchawa kolo Sambora, Польша.

V

Письмо А.Данжуа к В.Серпинскому

*Мимизан-Пляж, 5 августа 1936 г.
Вилла Мона Лиза (Ланд)*

Дорогой коллега и друг,

Я уже было собрался Вам написать и послать Вам без промедления ту маленькую статью, которую Вы меня любезно просили в мае в Варшаве, как вчера я получил письмо, в котором Вы сообщаете мне о злодействе, совершенном против Лузина.

Я предупредил Лебега, Монтеля, Бореля, если только Вы это не сделали сами¹⁹. Я пошлю им копии Вашего перевода статьи из «Правды». Я предложу им проект официального заявления в посольство СССР и посмотрю, как они воспримут это предложение, и если они согласны (может быть, они побоятся, что внешнее вмешательство спровоцирует худшие для Лузитта репрессии), то как они представляют себе его осуществление.

Отвратительные действия Александрова и его сообщников (я был удивлен, что Лаврентьев не отказался быть в числе этих так называемых жертв плагиата Лузина) явно не встретили благоприятного приема, который был необходим со стороны верхов, если бы европейская политика СССР не была бы ужасно смутной и двусмысленной. Замечательный взлет, которым Лузин ознаменовал предпоследний год (так как он стал теперь персоной, руководящей математиками в СССР), совпал со взаимным, очень явным сближением между Францией и Советами. Разве не Лузин реализовал в Москве французское направление в науке, и разве франко-советское согласие не было бы нарушено в России, если бы он пострадал?

Мне не надо говорить Вам, что я осуждаю, как и Вы сами, и наши польские коллеги, безобразное поведение г-на Александрова. Мне больно, что такой достойный человек, как Хинчин, оказался способным на такие действия. Если стремление занять академическое кресло могло сбить с пути Александрова, то у Хинчина не было столь мощного повода соглашаться на эту ужасную интригу²⁰.

Не премину держать Вас в курсе того, что будет делаться во Франции, чтобы помочь Лузину.

Передайте, прошу Вас, мое глубокое почтение госпоже Серпинской, которую моя жена очень тепло вспоминает, и наши приветы Вашему любезному сыну, а также примите, дорогой коллега и друг, выражение моих самых преданных и сердечных чувств.

Арно Данжуа

VI

Письмо А.Лебега к А.Данжуа

Париж, 5 августа 1936 г.

Мой дорогой Данжуа,

Вы найдете здесь приложенные бумаги, которые освобождают меня от предварительных слов²¹.

Что меня интересует в этих двух проблемах, которые ставит Серпинский²², так это «дело» Лузина, а не «дело» Александрова. Я хочу сказать, что я ставлю (вместе с Монтелем, от которого я Вам пишу) единственный следующий вопрос. Можно ли сделать что-нибудь полезное для Лузина и при этом не опасное? Официальный протест и шумиха в газетах, подписанная многочисленными фамилиями — неэффективна и опасна. Протест только от моего имени в виде письма послу или кому-либо другому такого же ранга вреден, ибо я на подозрении, и все, что я напишу, всегда будет использовано против Лузина. Мы видим только один ход —

обращение к послу в Париже от лиц, которые бы были способны это сделать ввиду их научного положения и их предыдущих связей с Россией и ее посольством. Мы видим только Вас и Ланжевена.

Вы, хорошо знающий Лузина, без колебаний распознаете, угадаете все, что есть одиозного в этих действиях против Лузина; мы менее уверены в реакции Ланжевена, который плохо знает Лузина и знает о нем только, что это бесчестный реакционер. Не могли бы Вы повлиять на Ланжевена и выступить вместе с ним?

В качестве справки я отсылаю Вас к книге: «В свете марксизма», составленной по большей части из отгисков советской книги: «Science at the cross road». Вы увидите, что нападки на Лузина с целью его изгнания и освобождения места для Александрова, начались не вчера. Вы увидите там, что меня уже приписали к этому, противопоставляя «мою» науку, буржуазную и бесполезную, analysis situs [топологии], пролетарской и полезной науке. Потому что первая была наукой Лузина, а вторая — наукой Александрова²³.

Что любопытно, так это то, что Александров исходит, как это делал Урысон, бумаги которого унаследовал Александров, из той же отправной точки, которая была и моей. Только с той разницей, что Урысон ссылался на меня, а Александров больше на меня не ссылается, так как он теперь должен плохо отзываться обо мне в своей борьбе против Лузина!

Александров кажется мне к тому же весьма сведущим по части интриганства, и смерть его бедного друга Урысона (которого он не убил, как Лузин Суслина) была ему очень *полезна*²⁴.

Буду Вам очень признателен за сообщение как можно скорее о Ваших намерениях и за возврат приложенных бумаг по следующему адресу:

M. Lebesgue, 24, rue de Creil, Gouvieux, Oise.

Примите наши дружеские приветы

А.Лебег и П.Монтель

VII

Письмо А.Данжуа к А.Лебегу

*Мимизан-Пляж, 7 августа 1936 г.*²⁵

Вилла Мона Лиза (Ланд)

Дорогой г-н Лебег,

Возвращаю Вам письмо Серпинского и перевод из «Правды».

Я даже получил два одинаковых перевода, хотя Серпинский мне не сказал, кому он их тоже посылает.

Посылаю Вам дубликат проекта письма послу Советов в Париже и письмо, которое я адресую Ланжевену²⁶.

Я был бы Вам очень признателен, если Вы сообщите мне Ваше мнение обо всем этом.

Примерно год назад Лузин получил большой пост. Он фактически руководил советским математическим отделением [Академии наук]. У него была квартира из пяти комнат, автомобиль с шофером.

Это восхождение совпало со значительным улучшением франко-советских отношений. Что меня беспокоит, так это то, что поскольку Лузин представляет французское влияние в научной России, то процесс, который ему устроили, заметно выходит за рамки простого вопроса академических притязаний Александрова.

С 7 марта никто уже больше не верит в помощь, ожидаемую от нас. Я это говорю объективно, не желая слушать, что мы должны идти воевать с Германией прямо сегодня²⁷.

В моем письме к послу я избегаю полемизировать ни по одному пункту.

Неоспоримо, что юридически вызов в «суд», составленный из математиков, среди которых Виноградов, Шмидт (очень уважаемый за сильный характер, который он показал в Челюскинской одиссее²⁸), Сегал, а также предоставление Лузину возможности защищаться²⁹, все это позволит правительству СССР утверждать, что он осужден на вполне законном основании.

Не следует забывать, что Александров, Хинчин, ..., авторы обвинений, не могут одни участвовать в деле, коль скоро их обвинения получили одобрение «суда».

Не только против них должен быть направлен протест, коль скоро этому уже положено начало, но против всей комиссии, которая действует заодно с ними и среди членов которой есть личности, до которых надо было бы добраться, подобные тем, фамилии которых я перечислил выше.

Это рассуждение кажется мне достаточным, чтобы отбросить замысел, согласно которому Серпинский требовал моего участия и который не был мною сразу отвергнут, т.е. о коллективной акции против Александрова.

Лузин, поскольку он понимал, что необычайное судилище, устроенное против него, уже имело предварительное соглашение о том, чтобы его погубить, попробовал обезоружить враждебность своих противников полной и безоговорочной капитуляцией³⁰.

Я думаю, что было бы неловко и бесполезно вводить в оборот те аргументы, которые его недруги знают так же хорошо как и мы, да и как он сам, и которыми он не захотел воспользоваться.

Таким образом, я ссылаюсь только на научные и дружеские связи, объединяя вокруг Лузина парижских математиков, и я взываю к великодушию Советов.

Примите уверения, дорогой г-н Лебег, в моих лучших и почти-тельных чувствах.

Арно Данжуа

P.S. Все это для Монтеля и для Вас.

Я сообщаю Ланжевену, что Вы ему пошлете статью из «Правды». Серпинский, возможно, не заметил, что в третьей строке³¹ сделан намек на предыдущие статьи, где обвинения уже были сформулированы.

Чтобы иметь больше подробностей об упреках, адресованных Лузину, было бы интересно иметь в распоряжении всю газетную подборку по этому делу³².

Примечания

Уведомление переводчика.

Интерес Пьера Дюгака к обстоятельствам «дела» академика Н.Н.Лузина возник давно. Как он отметил во «Введении», написанный им ранее текст (включавший в себя не только письма, приведенные в публикуемой здесь статье, но и другие материалы, в том числе и переводы на французский язык некоторых статей из газеты «Правда» за 1936 г.) он разослал ряду лиц. Когда я встретила в 1999 г., он дал мне копию своего «досье», поскольку я также занималась «делом» Лузина. На мой вопрос, опубликован ли этот материал и, если нет, то не хочет ли он его напечатать, П.Дюгак ответил отказом.

Однако позднее, в конце 1999 г., ознакомившись подробнее с этим интересным материалом, я, от имени главного редактора «Историко-математических исследований» С.С.Демидова, предложила П.Дюгаку написать для нас статью по его материалам, оговорив при этом, что нашему читателю уже достаточно много известно по этой теме, а потому желательно написать о том, чего не было в наших публикациях. П.Дюгак охотно согласился на это предложение и выполнил нашу просьбу.

К сожалению, его статья была мне доставлена за два дня до его кончины, и я не могла обсудить с ним вопрос о включении в его статью некоторых дополнительных данных из его материалов, которые, по нашему мнению, представляют интерес. В связи с этим я добавила к примечаниям автора некоторые цитаты и сведения из составленного им «досье». Разрешение на это я получила от вдовы автора, г-жи Жанны Дюгак. Эти добавления отмечены мною угловыми скобками; дополнительные примечания переводчика выделены квадратными скобками.

Добавим также, что недавно была издана книга «Дело академика Николая Николаевича Лузина» (Ответственные редакторы С.С.Демидов и Б.В.Левшин; Санкт-Петербург, 1999), содержащая стенограмму заседаний академической комиссии, о которых идет речь в публикуемых П.Дюгаком письмах. Эта книга была послана П.Дюгаку, но нам неизвестно, успел ли он с ней ознакомиться до того, как отправил нам свою статью.

¹ В.Серпинский был профессором Варшавского университета с 1918 г [Вацлав Серпинский (1882—1969) после окончания двух университетов в Варшаве и в Кракове не имел возможности получить работу в государственных учебных

заведениях Польши из-за своего участия в 1905 г. в забастовке за национализацию образования. В 1908 г. он принял предложение работать во Львове, в университете Яна Казимежа. В связи с переездом во Львов Серпинский принял австро-венгерское подданство. В августе 1914 г. Серпинский находился в Белоруссии у родственников жены и там, как подданный Австро-Венгрии, был интернирован русскими властями.]

² В то время С.Мазуркевич и В.Серпинский были редакторами «Фундамента математики» («Fundamenta Mathematicae»).

[Этот журнал был основан по проекту и инициативе Э.Янишевского при участии С.Мазуркевича и В.Серпинского. Янишевский был первым главным редактором «Фундамента», но не дожид до выхода в свет первого тома, т.к. умер в 1920 г. в возрасте 32 лет.]

³ Академия была закрыта 6 апреля 1832 г., и во дворце Сташица, где она ранее находилась, с 1866 г. по 1915 г. находился русский лицей.

[В 1808 г. в Варшаве было создано Общество содействия наукам, которое после польского восстания 1830—1831 гг. было закрыто русским правительством, равно как и Варшавский университет, основанный в 1816 г. В 1907 г. в Варшаве было организовано Варшавское научное общество, вице-президентом (1925), а затем и президентом которого был В.Серпинский. Это общество было продолжением Общества содействия наукам, которое функционировало до 1952 г., когда была создана Польская академия наук, причем в годы войны оно действовало подпольно. Как мне сообщил С.Фудали, «Общество науки и литературы Варшавы», о котором пишет Серпинский, под таким названием не существовало. Видимо, это связано с тем, что Серпинский хотел подчеркнуть, что Общество занималось также и гуманитарными науками. Под «историческими причинами» Серпинский подразумевает то, что после раздела Польши и польских восстаний в XIX веке стремления варшавских ученых к самостоятельным организациям всячески пресекались царскими властями, но они все-таки существовали нелегально.

Что касается Академии в Кракове, городе, ранее относившемся к Австро-Венгрии, то она была основана в 1873 г. (после освобождения части польских земель от австрийцев) на базе Краковского научного общества, а с 1919 г. она стала называться «Польской академией знаний». В годы Второй мировой войны Академия была закрыта, и лишь в 1952 г. была основана Польская академия наук.

Далее в письме упоминается дворец Сташица в Варшаве. Этот дворец был построен в 1820—1823 гг. на средства Станислава Сташица (1755—1826) для Общества содействия наукам, президентом которого он был с 1808 г. С.Сташиц—ученый (геолог), философ, политический деятель, писатель, священник, член Комиссии религиозных верований и народного просвещения, основатель Грубешовского сельскохозяйственного общества в Люблинской области. (Я благодарю за эти сведения историка математики из Польши С.Фудали.)

В 1862—1869 г. в здании дворца размещался врачебный факультет варшавской Главной школы, фактически являвшейся польским университетом, но без соответствующего статуса. В 1869 г. Главная школа была закрыта русским правительством, а в здании размещался один из факультетов (возможно, медицинский) основанного царским правительством русского Варшавского университета. В 1915 г. этот университет был эвакуирован в Ростов-на-Дону.]

⁴ В то время журнал «Mathematische Annalen» издавался Д.Гильбертом при участии О.Блюменталля (O.Blumenthal) и Е.Хекке (E.Heske). О поездках Отто Блюменталля (1876—1944) в Россию см. статью Ю.М.Гайдука [4].

⁵ Это мемуар Н.П.Лузина [5].

⁶ Речь идет о Международном конгрессе математиков, состоявшемся в Цюрихе в 1932 г. Р.Фьютер (R.Fueter)—президент Организационного комитета Международного конгресса математиков и Цюрихе.

⁸ Речь идет о Втором конгрессе румынских математиков, состоявшемся 5— 9 мая 1932 г. Серпинский и Данжу должны были встретиться между 10 и 24 мая 1932 г. в Клу-же, где они читали лекции: А.Данжу о «Некоторых вопросах, касающихся аналитических функций», а В.Серпинский — об «Аналитических множествах».

⁹ В.Серпинский ошибся: Н.Н.Лузин был не в Гагре на Кавказе, а в Гастре, что в Крыму.

¹⁰ В докладе [6] Э.Кольман утверждает, что неизданные бумаги Маркса показывают, что Ф.Энгельс «был прав», когда утверждал в своей речи над могилой Маркса, что гениальный автор «Капитала», открыватель законов развития человеческой истории и создатель диалектического материализма, основатель научного социализма и вождь революционного рабочего движения «сам независимо сделал открытия в области математики» [6, с.349].

Где Рам (G.de Rham), крупный швейцарский математик, рассказал нам 24 ноября 1978 г., что он присутствовал на докладе Кольмана. На заседании председательствовал А.Реймон, профессор философии Лозаннского университета, а в зале было много народу. В конце доклада Кольмана, П.Бернайс, профессор Геттингенского университета, с интересом следивший за изложением Кольмана, задал ему следующий вопрос: «А как Карл Маркс брал производную от $\sin x$?» Тогда раздался оглушительный общий хохот, и председатель заседания, который должен был делать доклад после Кольмана, объявил: «Господа, так как уже поздно, я сделаю свой доклад на следующем конгрессе математиков». Однако ввиду протеста из зала, он все-таки сделал доклад.

<Где Рам познакомился с некоторыми русскими математиками (Д.Е.Меньшовым, М.А.Лаврентьевым, Н.М.Крыловым, Н.К.Бари и др.) в 1927 г. в Париже, затем многих из них он вновь увидел в Москве в 1935 г. С П.С.Александровым он познакомился в Геттингене в 1930 г.>

¹¹ В [7] речь идет о резолюции, принятой на заключительном заседании Конференции по организации планирования в математике, состоявшемся 8 июня 1931 г., «по докладу т.Кольмана». Там критикуется «буржуазная математика» с ее «идеалистической формально-логической схемой», которая ведет «к современной кризису основ математики», характеризуюмую «интуиционизмом Брауэра, математикой Гильберта, идеализмом в стиле тенденций французской школы теории функций и ее ответвлениями Серпинский, Лузин». Критике подверглась также «идеологическая эмиграция» «математических кадров», таких как Гюнтер и Егоров. Резолюция предлагает «план», который «должен быть основан на диалектическом материализме и направлен на развитие производительных сил на социалистических началах» [7, С.5—6].

Э.Кольман — это персонаж для романа. Он родился в Праге в 1892 г. и закончил обучение в Пражском университете в 1913 г., где его преподавателем был А.Эйнштейн, работавший в этом университете с апреля 1911 г. до июля 1912 г.

Вот, как он сам описывает свою карьеру в статье «Почему я выхожу из коммунистической партии. Открытое письмо Леониду Брежневу» [8, с.10]:

«Я приехал в Россию как военнопленный во время Первой мировой войны при правительстве Керенского; шесть месяцев я отбывал наказание в дисциплинарном изоляторе за антивоенную пропаганду и был освобожден Октябрьской революцией. Затем я боролся за власть Советов в Красной армии на четырех различных фронтах.

В 1919—1920-х годах я нелегально работал в Германии и стал членом Центрального комитета Немецкой коммунистической партии. Я был приговорен к пяти годам принудительных работ, но через шесть месяцев заключения меня обменяли. Я занимал ответственные идеологические посты в Коминтерне, в Центральном комитете Российской партии (большевиков), в Московском комитете партии, а также в Академии наук Советского Союза. Я был избран членом Московского комитета партии, Московской контрольной комиссии и районных партийных комитетов г. Москвы».

Во время Второй мировой войны он был политработником в армии. Начиная с 1945 г., будучи по происхождению чехом, он приезжает в Прагу, чтобы возглавить там пропагандистский сектор Центрального комитета Чехословацкой коммунистической партии. В 1948 г. его арестовали в Праге и препроводили в Москву, где он провел три с половиной года без суда в тюрьме, причем первые три года в изоляции.

Но почему же Кольман был арестован? Ответ находится в архивах Центрального комитета Чехословацкой коммунистической партии [9, с.37]. В сентябре 1948 г. Кольман «выступил с рядом критических статей против руководства партии: не нападая персонально на Готвальда, он упрекал секретариат, а именно Сланского», который будет в 1952 г. расстрелян, «в некоторых заблуждениях и в неленинском подходе к вопросам, требующим применения правильной линии». К.Каплан (K.Kaplan) по этому поводу пишет:

«Именно во время своего пребывания в Крыму Готвальд получил рапорт о резкой критике Кольмана. Сталин, который уже был в курсе этого по своим собственным каналам, хотел все это выяснить и вызвал Готвальда для объяснений. Этот последний прибыл к нему с большой опаской — в его окружении даже говорили, что он рисковал больше не вернуться обратно. Сталин хотел прежде всего узнать, кто такой этот Кольман. Узнав, что речь идет не просто о полемисте, борющемся в тридцатых годах в СССР против буржуазных тенденций в естественных науках, но что он также проходил как троцкист у Берии (присутствовавшим на встрече), Сталин решил: "Поскольку это советский гражданин (что на самом деле было не так), вам надо только отправить его сюда, мы приведем его в чувство", — пообещал он».

После своей реабилитации Кольман работал директором Института философии Академии наук Чехословакии. В 1963 г., уже будучи на пенсии, он вернулся в Москву, где он встречался со своим коллегой А.П.Юшкевичем, и откуда он эмигрировал в 1976 г. в Швецию, чтобы воссоединиться со своей дочерью. В декабре 1977 г. он признал (в газете «Монд»: см. [10, с.19]), что его «вынудили участвовать в клеймении своих собратьев, а именно, ученых в других, чем его, областях» и утверждал, что «надо освободить науку от идеологии».

[Уточним, что Э.Кольман был направлен па работу в Чехословакию в сентябре 1945 г., вернулся (вернее, вынужден был вернуться) в Москву в 1948 г., три с половиной года провел в тюрьмах, после реабилитации 22 марта 1952 г. он работал в различных учреждениях, а с 1957 г. в Институте истории естествознания и техники АН СССР, где занимался историей математики. Там он и познакомился с А.П.Юшкевичем, который работал в этом Институте с 1945 г. Подробные даты биографии Кольмана до 1957 г. см. в опубликованной И.Р.Гриной и С.С.Илизаровым автобиографии Кольмана, которую он написал при приеме в Институт 21 мая 1957 г. (Вопросы истории естествознания и техники. 1990. №1. С. 159—161), а также статью С.С.Илизарова «Эрнест Кольман, Никита Хрушев и ИИЕТ» (там же, с.152—156).]

¹² Софи Пикар (Sophie Piccard) написала мне 4 ноября 1976 г., что В.Серпинский просил ее написать «статью для влиятельной варшавской ежедневной газеты», которая затем «была переведена на польский язык». Она родилась в России в 1904 г. и получила образование в Смоленском университете в 1921 г. Мать С.Пикар, известная швейцарская журналистка, жила в России и в Советском Союзе; она описала университет, в котором училась ее дочь, в своей книге «Красный университет» [11]. [Софи Пикар родилась в Петербурге и, действительно, училась в Смоленском университете в 1921—1925 гг. Этот университет был основан в Смоленске в 1918 г., а в начале 1922 г. к нему были присоединены четыре высших учебных заведения Смоленска, в том числе Педагогический институт. В конце того же 1922 г. технические факультеты университета были ликвидированы, так что далее университет состоял из двух факультетов педагогического и медицинского. Па педагогическом факультете было физико-математическое отделение. В 1920—1930-е годы было много

структурных реорганизаций, в том числе и в данном случае. Посещение занятий было свободным, т.к. многие студенты должны были зарабатывать себе на жизнь. В 1930 г. университет был закрыт, а его факультеты стали снова институтами.

С.Пикар слушала лекции П.С.Александрова и А.Р.Эйгеса, учителя П.С.Александрова в его годы учения в гимназии в Смоленске. В 1920-ые годы к преподаванию в Смоленском университете привлекали также и школьных учителей. Эйгес был одним из тех, кто упоминался в связи с «делом» Лузина, но происходила некоторая путаница, т.к. имелся в виду не А.Р.Эйгес, а его брат — В.Р.Эйгес.]

<Вот как С.Пикар описывает обстановку в университете в те годы в своем письме П.Дюгаку от 5 ноября 1978 г.:

«Подтверждаю, что Эйгес был блестящим университетским преподавателем. Смоленский университет немало потерял, когда невежественные коммунисты заставили его уйти, потому что он их проваливал на экзаменах, к которым они не давали себе труда подготовиться. Но так было в те времена. Студенты-коммунисты все свое время проводили в том, что они называли "общественной работой" (на самом деле это была коммунистическая пропаганда), и они требовали, чтобы преподаватели ставили им положительные оценки за экзамены, тогда как на самом деле они их и не сдавали, лекций не посещали и совсем не готовились. Тех, кто отказывался это делать, коммунистическая ячейка безжалостно изгоняла как контрреволюционеров. Так было и с Эйгесом.»>

[Как же оказалась Софи Пикар в Смоленске? Ответ — в истории ее семьи.

Отец С.Пикар (1868—1927) Евгений Фердинанд Пикар принадлежал к древнему, но обедневшему швейцарскому роду. Один из его предков, художник, долгое время жил в Петербурге, но вернулся в Лозанну в 1889 г. Е.Ф.Пикар, сын хирурга, осиротев, должен был прервать обучение и уехать на заработки в Петербург, где он одно время преподавал в гимназии К.Мая и работал в Ботаническом институте. В 1897 г. он женился на Юладии Гюз, француженке, предки которой, будучи гугенотами, бежали от преследований сначала в Германию, а затем в Россию. В следующем году Е.Ф.Пикар уехал в Германию, где закончил Кильский университет. Его диссертация, которую он защитил в 1903 г., была посвящена комплексному исследованию Финского залива. Е.Ф.Пикар хотел работать в Швейцарии, но подходящего места работы не было, и пришлось вернуться в Россию, снова в гимназию Мая. В 1906 г. он получил место преподавателя в реальном училище в Великих Луках, и семья Пикар, в которой было четверо детей (две дочери умерло в детстве, сын в 1919 г. пропал без вести в Новочеркасске, куда поехал учиться в Донской педагогический институт), переехала в этот город, где их застала война и революция.

В 1919 г. Е.Ф.Пикар был послан на польский фронт в качестве метеоролога для нужд авиации, затем получил место на кафедре физической географии в Смоленском университете, а также должность метеоролога при авиационном штабе. В 1921 г. он перевез в Смоленск жену и дочь Софи.

Юладия Пикар (Euladie Piccard, 1879—1957) мать С.Пикар до замужества год занималась на курсах Академии художеств, затем поступила на Бестужевские курсы, где с увлечением изучала литературу и философию. Однако закончить обучение она не смогла в связи с рождением ребенка. В Великих Луках она преподавала в школе, как и в Смоленске, но потом бросила работу из-за нежелания проходить «преподготовку» в партийных кружках. Зарабатывала частными уроками, причем основными ее учениками были преподаватели Смоленского университета, которым она помогала читать иностранную научную литературу.

В 1925 г. после годичных хлопот семья Пикар получила швейцарские паспорта и уехала из СССР. В Швейцарии, как и прежде, были трудности с получением работы, и единственным выходом из тяжелой ситуации оказался писательский труд для нее и мужа.

Ю.Пикар была не только журналисткой, но и автором ряда книг, в числе которых книги об А.С.Пушкине и о М.Ю.Лермонтове. В 1968—1973 гг. в Швейцарии было издано многотомное собрание ее сочинений, а почти все, что она писала, было связано с жизнью в постреволюционной России.

Ее дочь Софи продолжила свое математическое образование. В тридцатые годы она получила докторскую степень в Швейцарии и стала известным профессором математики в университете Невшателя, где с 1949 г. заведовала кафедрой геометрии и статистики, а затем кафедрой высшей математики. Этот факт надо отметить особо, так как до 1971 г. в Швейцарии женщины были лишены гражданских прав. (Так, в 1927 г., когда С.Пикар получила диплом на право преподавания, оказалось, что это право существует только на бумаге, а не на деле. Тогда ее мать ценой больших усилий создала дочери условия для занятий математикой.) Основной специальностью С.Пикар стала теория групп, она — автор ряда монографий.]

¹³ В «Отчетах Международного конгресса математиков», проходившего в Осло [с 14 по 18 июля] 1936 г., можно прочитать [12, с.10]:

«Предложенная программа была выполнена, за исключением того, что г-дам А.Гельфонду и А.Хинчину не разрешили приехать [и, следовательно, объявленные доклады "Теория трансцендентных чисел" и "Основные направления в современной теории вероятностей" не были прочитаны].

Г.Фрейденталь написал мне 11 июля 1978 г.:

«Единственным математиком, приехавшим из СССР на Конгресс в Осло, был Ф.Нетер (F.Noether), немецкий эмигрант и, возможно, обладатель немецкого паспорта. После своего возвращения в СССР он исчез.

<Фриц Нетер был одним из братьев Эмми Нетер, который после прихода Гитлера к власти эмигрировал в СССР, где преподавал в Томском университете. Через несколько лет он бесследно исчез так же, как и ряд других преподавателей-немцев.> [В сентябре 1936 г. была проведена кампания по борьбе с «лузинщиной» в Томске, кстати, родном городе Н.Н.Лузина. Девиз этой кампании «борьба с теорией раблепия перед заграничными авторитетами», и целый ряд ученых различных специальностей обвиняли в публикации за рубежом их работ. В числе «обвиняемых» были Стефан Бергман и Фриц Нетер, бежавшие от нацизма в СССР, где они были определены Наркомпросом на работу в Томск (в университет и, параллельно, в НИИ математики и механики). С.Бергман вместе с коллегами организовали научный журнал, в котором помещались статьи на немецком языке, что давало журналу возможность стать международным изданием.

После проведения ряда собраний, в том числе и городского уровня, прямых репрессий не было, хотя к началу кампании два профессора уже были арестованы за «контрреволюционную деятельность» (впоследствии оба они были расстреляны). Однако физикам Д.Д.Иваненко и П.С.Тартаковскому пришлось прекратить (как оказалось потом, только временно) свои исследования, признанные «неперспективными». Однако в 1937—1938 гг., в годы «большого террора», был разгромлен коллектив ученых НИИ математики и механики, и теперь уже были проведены аресты и расстрелы. Фриц Нетер был арестован, расстрелян в 1941 г. Что касается С.Бергмана, то ему удалось уехать из Томска почти накануне этих грозных событий, а затем он сумел выехать из СССР.

Эти сведения, как и описание самого сценария проведения «процесса» 1936 г., находятся в статье М.В.Кликушина и С.А.Красильникова «Анатомия одной идеологической кампании: "лузинщина" в Сибири», опубликованной в сборнике «Советская история: проблемы и уроки». Новосибирск, 1992. С.198—220.]

¹⁴ «Дело» Лузина было начато после статьи «Приятное разочарование», которую Лузин дал в газету «Известия» от 27 июня 1936 г. после посещения одной из московских средних школ, где он присутствовал на выпускных экзаменах. Придя «на эти

испытания с несколько предвзятым мнением», так как ему часто приходилось «слушать многочисленные жалобы на неудовлетворительную постановку преподавания математики», он ушел с чувством «приятного разочарования»: его «увлекла эта встреча с молодежью», у которой он обнаружил «глубокое понимание законов математики». Он «не мог найти в классе слабых».

После этой весьма невинной статьи «Правда» обрушила весь свой гнев на Н.Н.Лузина. 2-го июля директор школы, которую посетил Лузин, публикует в «Правде» «Ответ академику Лузину» статью, явно написанную с помощью редакции газеты. Н.Н.Лузин, пишет директор школы, забыл, «что он пришел в советскую школу», к людям, «желающим товарищеской критики своей работы», которым «не нужно неискренних восторгов». Не было ли «целью» Лузина «замазать наши недостатки и этим самым нанести нашей школе вред?» Но статья Лузина «не достигла своей цели — дезориентировать преподавательский коллектив».

Досье на Лузина при участии некоторых ученых должно было быть подготовлено для нападок, которые начались в «Правде» с 3 июля редакционной статьей «О врагах в советской маске». С первых же строк своей статьи газета выносит приговор, полный ужасных угроз:

«Ближайшее рассмотрение деятельности этого академика за все последние годы показывает, что нарочитые восторги, источаемые Н.Лузиным по адресу наших школьников, далеко не случайны! Они являют собой лишь одно звено длинной цепи искусной и весьма поучительной по своим методам маскировки врага».

Нападки «Правды» становятся еще более жесткими: «Мы знаем, откуда вырос академик Лузин, мы знаем, что он один из стаи бесславной "царской Московской математической школы"», движущей идеей которой были «православие и самодержавие». Но «советская научная общественность» срывает с Лузина «маску добросовестного ученого», потому что он предает «интересы науки... в угоду прежним хозяевам, нынешним хозяевам фашизированной науки». Уточним, что этими «хозяевами фашизированной науки» были, в числе других, Эмиль Борель и особенно Анри Лебег.

10 июля в «Правде» появляется статья «О врагах в советской маске», в которой была приведена выдержка из «резолюции, принятой единогласно собранием профессоров и преподавателей механико-математического факультета, научных работников и аспирантов научно-исследовательских институтов математики, механики и астрономии Московского государственного университета», поставившая «перед Президиумом Академии наук вопрос о дальнейшем пребывании Лузина в числе действительных членов Академии».

¹⁵ Можно не сомневаться, что эта комиссия была навязана Академии коммунистической партией: в нее входили, в числе прочих, математики И.М.Виноградов, А.Я.Хинчин, П.С.Александров, А.Н.Колмогоров, С.Л.Соболев и Л.Г.Шнирельман.

¹⁶ В.Серпинский говорит о книге «Топология» [13], посвященной Л.Э.Я.Брауэру.

¹⁷ С.Пикар писала мне 4 ноября 1976 г. по поводу первых работ Суслина следующее:

«Серпинский был в курсе всего. Он был у Лузина в тот момент, когда к Лузину пришел Суслин с мемуаром Лебега <[14]>, который Лузин задал ему разобрать. <Суслин в ту пору, в 1916 г., был студентом третьего курса Московского университета.> Суслин объявил, что он нашел в этом мемуаре серьезную ошибку. Лузин сначала не хотел этому верить, но потом сказал Суслину, чтобы тот оставил ему этот мемуар, и после его изучения убедился в правоте Суслина. Этим было положено начало теории аналитических множеств».

Речь шла о неточной теореме Лебега [15, с.155]: Если E измеримо B , то таким же будет и его проекция.

¹⁸ О Международной конференции по топологии. По этому поводу Г.Фрейденваль писал мне 11 июля 1978 г., что он принимал участие в ночной дискуссии на улицах Москвы между А.Вейлем и Ф.Франклем (австрийским математиком, эмигрировавшим в СССР), во время которой Вейль обвинял Сталина в предательстве китайской революции.

А.Вейль, которому я послал машинописное досье в сотню страниц о «деле» Лузина, ответил 2 декабря 1978 г.:

«По разным поводам я не устал говорить русским математикам, что к тому времени, о котором идет речь в Вашей работе, влияние Лузина в русской математической жизни вот-вот станет гибельным (с чисто научной точки зрения), и что самые серьезные русские математики, и притом наименее подозреваемые в том, что они имеют неподобающие политические взгляды, оказались единодушны в этом отношении; <В сущности на это указывает то досье, которое Вы собрали; но это также то, что такие люди, как Данжуа, Монтель, Борель были совершенно не в состоянии оценить: Монтель и Борель были в ту пору абсолютно чужды направлению современной математики, а Данжуа по другой причине был также этому чужд, так как он не знал ничего из того, что делали другие. Печально, конечно, что для того, чтобы положить конец диктатуре, которую Лузин пытался ввести для математиков России, обратиться к политическим и малопривлекательным методам. Однако надо заметить, что это человек, чьи реакционные в политическом смысле взгляды были общеизвестны, продолжал занимать очень влиятельную должность до самого 1935 г., и что, как это вытекает из Вашего досье, с ним не случилось ничего худшего, чем серьезное предупреждение, которое он получил. В частности, он остался членом Академии наук (это положение не только почетное, как это происходит у нас, но весьма комфортное и очень хорошо оплачиваемое).>»

А.Вейль писал также в своих «Научных трудах» [16, с.535] по поводу первого заседания Международной конференции по топологии, «которую организовал Павел Александров в Москве в сентябре 1935 г.»:

«Это международное математическое собрание, впервые проведенное в СССР, было также, пока был жив Сталин, последним. То, что оно состоялось в 1935 г. при участии целой плеяды математиков всех стран, среди которых были самые выдающиеся из тех, которые кто близко, а кто издали имели дело с топологией, в ретроспективе казалось аномалией и почти чудом. В эти самые времена хватало математиков, чтобы видеть в этом знак начала либерализации советского режима, да я и сам был недалек от того, чтобы согласиться с этой иллюзией, которую громкие московские процессы не замедлили жестоко развезть».

[Добавим, что там же Вейль писал, что своим приглашением на Конференцию в Москву он был обязан П.С.Александрову, с которым он познакомился в 1927 г. в Геттингене у Эмми Нетер, и хотя Вейль оценивал весьма скромно свои заслуги в области топологии, но для «оправдания» приглашения он углубил лишь свои прежние результаты о кривых на торе, причем «преуспел лишь частично». Далее, на с.536, Вейль сообщает, что, благодаря любезности московских коллег, он смог на несколько недель задержаться в СССР для чтения в Математическом институте Академии наук серии докладов по своим арифметическим изысканиям, а его статьи в русском переводе были напечатаны в новом тогда журнале «Успехи математических наук».] <Французские математики обсуждали также и личность Н.Н.Лузина. Оценку Лузина, как человека, можно видеть из переписки Монтеля и Данжуа. Первый из них в письме от 17 августа 1936 г. сообщал:

«Между нами, один математик сказал мне после разговоров с нашими коллегами из Москвы, что Лузина можно рассматривать как человека с двумя лицами; одно из них беззащитное и доброжелательное, то, которое открыто всем; другое же — притворное и полное ненависти, которое он скрывает. Этот тип двойственной русской души довольно распространен.

Лично мне это кажется неправдоподобным, и я считаю Лузина ребенком в повседневной жизни, а совсем не тайным заговорщиком. Ты и твоя жена, вы его лучше знаете и должны иметь более определенное мнение».

Приведем выдержку из ответного письма Данжуа от 20 августа его другу Монтелю, касающуюся характеристики личности Лузина:

«Вот приблизительно то, что я думаю о Лузине.

Лузин небезгрешен как и все святые.

Но он полная противоположность человеку маккиавслевского, подлого типа.

Как и многие другие, я хотел сказать — как все мы, он подвержен болезненно чувствительному самолюбию ученого, которое заставляет его бояться тех, кто его ранит, и доверчиво верить тем, кто умеет пользоваться его тщеславием.

Как человек, которой очень часто с ним имел дело, я считаю это истиной в первой инстанции.

Возможно, что он обычно руководствуется, как и другие, тем, что ему наиболее выгодно, он не пренебрегает расточать свои похвалы тем, кто оказывает ему поддержку. Но для меня здесь речь идет об инстинктивном феномене, к которому никоим образом не относится расчетливая преднамеренность.

Он любит покой, доброту, успех без борьбы. Он терпеть не может баталий, для которых его природа совсем не подготовила. Он не умеет интриговать, он страшится конфликтов.

Если бы это был человек, жаждущий власти, господства, желающий повсюду насаждать своих ставленников, то есть такой, каким описывают его обвинители, он бы не ушел из университета, он не захотел бы спрятаться в Академии, как в убежище.

В действительности, вся энергия его ума и его характера устремлена к науке, к желанию созидать свое дело. Вне этого я считаю его очень слабым, даже малодушным. Он никогда не оказывал сопротивления сильному и грубому противнику.

Здесь я не рассматриваю, любит он Советы или нет.

Его действия против них ограничивались, конечно, несколькими разговорами, которые он считал конфиденциальными и которые он вел много лет тому назад, а их последствия должны были бы его предостеречь от возобновления подобных бесед.

Но он был бы совсем послушным и покорным по отношению к правящим верхам, если бы давление, от которого он мог бы по крайней мере уклониться, оказывалось бы умеренным и спокойным образом».>

¹⁹ Письмо Лебега, которое следует далее, показывает, что Серпинский также написал и ему [Лебегу].

²⁰ Это письмо показывает, насколько французские интеллектуалы не знали истинной природы советского режима и насколько в ту пору все боялись Советского Союза.

²¹ Серпинский должен был также послать Лебегу статью «Враг, с которого сорвана маска», опубликованную в «Правде» 14 июля 1936 г.

²² См. письмо Серпинского к Данжуа от 30 июля 1936 г.

²³ С 29 июня по 3 июля 1931 г. в Лондоне проходил Второй международный конгресс по истории науки. Н.И.Бухарин, «член Академии наук» и «председатель Комиссии по истории знаний Академии наук», был членом советской делегации, равно как и Э.Кольман. Доклад Кольмана, опубликованный на английском языке в сборнике [17], назывался «Современный кризис в математических науках и общий план их реконструкции». Он критикует (с.3—4) книгу Лузина «Лекции по аналитическим множествам и их приложениям», опубликованную в 1930 г. в Париже, за место, которое Лузин отводит роли разрывности в анализе, и безапелляционно утверждает:

«Ставится вопрос: можно ли найти хоть что-нибудь в физической природе, для чего такая абсолютная разрывность подходила бы? Мы находим неожиданный ответ во

введении Лебега к выше упомянутой книге: по его мнению, философская ценность этого труда даже значительно выше, чем его математическая ценность, ибо его точка зрения — это точка зрения солипсиста. Нетрудно понять, что различные аналитические объекты, основанные на абсолютной непрерывности, отражают с замечательной верностью наивысший индивидуализм идеалистической философии».

Для разрешения этого серьезного кризиса, которым страдает математика, Кольман предлагает решение [17, с.15]:

«Принимая ленинский принцип, что науки не являются беспристрастными, мы поставим математику на службу построения социализма, и таким образом мы спасем ее от загнивания, неизбежного при капитализме».

Эти разглагольствования были повторены в книге «В свете марксизма», где П.Лаберен [P.Labérenne] пытается в своей статье «Математика и техника» [18, с.31—32] стать в мнимую оппозицию к Борелю и Лебегу, утверждая, что «во Франции Борель поднялся против стремления преобразовать некоторые разделы теории множеств в серию мысленных игр, очень абстрактных, очень изошренных, исключительно словесных и лишенных какого бы то ни было конкретного значения». П.Лаберен с помощью чисто диалектических ухищрений делает из Лебега «одного из главных "идеологических" противников г-на Бореля».

²⁴ [Выделено А.Лебегом.]

²⁵ Пока французские математики продолжали заниматься «делом» Лузина, решение советских властей было уже принято и оно имело компромиссный характер. 6 августа «Правда» публикует статью «Об академике Н.Н.Лузине. Постановление Президиума Академии наук СССР от 5 августа 1936 г.». После выражения своего одобрения действиями газеты «Правда», в этом документе сказано:

«Однако, учитывая значение Н.Н.Лузина как крупного математика, взвешивая всю силу общественного воздействия, выявившегося в столь широком, единодушном и справедливом осуждении поведения Н.Н.Лузина, и исходя из желания предоставить Лузину возможность перестроить все его дальнейшее поведение и его работу, Президиум считает возможным ограничиться предупреждением Н.Н.Лузина, что при отсутствии решительного перелома в его дальнейшем поведении Президиум вынужден будет неотложно поставить вопрос об исключении Н.Н.Лузина из академических рядов».

И «дело» Лузина в Советском Союзе на этом прекратилось.

[Однако аналогичные «дела» вскоре прошли в других городах СССР, но они обычно не освещались в центральной прессе. Пример одного из них был указан в примечании 13.]

²⁶ А.Данжуа пишет П.Ланжевену в своем письме от 7 августа:

«Исключение его из Академии, поскольку у него уже отняли его кафедру в университете, равносильно его убийству».

И еще Данжуа добавляет:

«В связи с этой драмой некоторым французским математикам будет трудно продолжать какое бы то ни было сотрудничество, научное или университетское, с Советами».

П.Ланжевен дает согласие передать в посольство СССР текст, подготовленный Данжуа, в письме от 12 августа:

«Я передам его в посольство, в которое я готов идти хоть сегодня».

Откорректированное письмо А.Данжуа, помеченное 13 августа, было передано в посольство СССР (на имя В.П.Потемкина, посла во Франции в 1934—1937 гг.) Э.Борелем и П.Ланжевенем.

А.Данжуа пишет в своем письме:

«Из всех советских математиков, труды которых, по крайней мере частично, были навеяны источниками французского происхождения, Лузин был наиболее представительным.

Его главный труд "Аналитические множества" был опубликован в знаменитой серии математических монографий. В этой работе Лузин показал себя как наиболее сильный последователь Бэра. Лузин основывает на идее Лебега свою фундаментальную теорию решетчатых множеств, он связывает с концепциями Бореля свои глубокие исследования по трансфинитам.

Таким образом, именно от этих трех основателей современной французской школы Лузин ведет свои исследования, гениальной оригинальностью которых восхищаются и которая признана во всех странах с высокой математической культурой».

К этому А.Данжуа добавляет:

«Пожелание французских математиков, которые наиболее искренне заинтересованы в развитии научных связей между Францией и СССР, состоит в том, что в этом трудном деле советское правительство, давая еще раз доказательство своего великодушия, которому оно уже дало столько примеров, использовало это великодушие по отношению к обвиняемому сегодня».

²⁷ Германия заняла левый берег Рейна 7 марта 1936 г.

²⁸ О.Ю.Шмидт был не только алгебраистом, но также знаменитым исследователем, который, в частности, прославил себя в Арктике. В 1933—1934 гг. он руководил экспедицией, которая пыталась пересечь Ледовитый океан на пароходе «Челюскин».

²⁹ Сегодня кажется трудным поверить, что Данжуа говорил серьезно: он был членом радикально-социалистической партии, взгляды которой на социалистические реалии были в ту пору весьма идеалистичными. Отметим, что существует письмо Данжуа, сохранившееся в его бумагах, которое было адресовано Хрущеву, когда тот ездил в Соединенные Штаты: «Как надо разговаривать с американцами!»

³⁰ А.П.Юшкевич сообщил мне о письме, опубликованном впоследствии в нашей совместной статье, в котором Лузин отказался признать выдвинутые против него обвинения.

³¹ Из статьи в «Правде» от 14 июля «Враг, с которого сорвана маска», посланной Серпинским Данжуа и Лебегу.

³² В письме от 29 августа А.Лебег сообщает А.Данжуа о статье в «Правде», закрывающей «дело» Лузина. <Лебег пишет, что Монтель переслал ему из Швейцарии вырезку из газеты, содержащую это сообщение. Возможно, это была статья из «Газеты Швейцарии» за 28 августа 1936 г. под заголовком «Как обращаются с учеными в Советской России». Статья была подписана одним инициалом «П», и есть основания полагать, что ее автором была Ю.Пикар, мать С.Пикар, о которой говорилось в примечании 12.>

В.Серпинский в письме от 13 октября 1936 г. к А.Данжуа возвращается к документам, подписанным членами Академии наук СССР, и к упрекам, выдвинутым Лузину, в том, что он не ссылается на Суслина, тогда как, согласно этому глубокому знатоку работ обоих математиков, «не было никаких оснований ссылаться на него».

Список литературы

1. *Youschkevitch A.P., Dugac P.* «L'affaire» de l'académicien Luzin // *Gazette des mathématiciens.* 1988. N38. P.30—35.
2. *Sierpinski W.* Oeuvres choisies. Warszawa, 1974. Т.1.
3. Письма Н.Н.Лузина к А.Данжуа / Публикация, введение и примечания П.Дюгака // Историко-математические исследования. М., 1978. Вып.23. С.314—348.
4. *Гайдук Ю.М.* Заслуги О.Блюменталя в развитии германо-русских и германо-советских математических связей // Наука и техника, вопросы истории и теории. 1977. №9. С.48—51.

5. Лузин Н.Н. О методе академика А.Н.Крылова составления векового уравнения // Известия АН СССР. ОМОН. 1931. №7. С.903—958.
6. Kolman E. Eine neue Grundlegung der Differentialrechnung durch Karl Marx // Verhandlungen des Internationalen Mathematiker Kongresses. Zürich, 1931. Bd.2. S.349—351.
7. О кризисе в буржуазной математике и о реконструкции математики в СССР // Математический сборник. 1931. Т.38. №3—4. С.5—8.
8. Colman A. Pourquoi je quitte le partie communiste. Lettre ouverte à Léonid Brejnev // Libération. 8 octobre 1976.
9. Kaplan K. Dans les archives du Comité Central. Paris, 1978.
10. Le Monde. 21 décembre 1977.
11. Piccard E. Université rouge. Neuchatel, 1973.
12. Comptes rendus du Congrès international des mathématiciens, Oslo 1936. Oslo, 1937. Т.1.
13. Alexandroff P., Hopf H. Topologie 1. Berlin, 1935.
14. Lebesgue H. Sur les fonctions représentables analytiquement // Journal Math. pures appl. Sér.6. 1905. Т.1. P.139—216.
15. Lebesgue H. Oeuvres scientifiques. En cinq volumes. Genève, 1972. Т.3.
16. Weil A. Oeuvres scientifiques. Berlin, 1980. Т.1.
17. Science at the cross roads. London, 1931.
18. A la lumière du marxisme. Paris, 1935. Т.1.

Памяти Пьера Дюгака

Эту свою последнюю работу Пьер Дюгак закончил будучи уже тяжело больным. 7 марта 2000 г. он скончался.

Пьер Дюгак родился 12 июля 1926 года в г.Босанка-Дубица (Босния и Герцеговина). Когда пришло время выбора профессии, он решил этот вопрос в пользу гуманитарных наук и начал свои занятия в области литературы. Но через некоторое время он покидает свою страну и в 1945 г. приезжает в Рим. Однако через год он едет в Париж, где и пройдет вся его дальнейшая жизнь. Прошел еще один год, и у П.Дюгака был обнаружен туберкулез. Серьезное заболевание потребовало частого пребывания в санаториях. Десять лет — с 1947 по 1957 год — он проводит в туберкулезном Санатории студентов Франции, и возможно, именно там он познакомился с математиками. Эти знакомства привели к тому, что математика стала его страстью на всю жизнь. Что касается служебной карьеры, то Пьер Дюгак, пройдя необходимые ступени, стал профессором математического факультета Парижского университета им. Пьера и Мари Кюри, где преподавал до своего выхода на пенсию.

Главное место в жизни и творчестве П.Дюгака заняла история его любимой науки. Особое внимание в своих историко-математических исследованиях он уделял математике конца XIX — начала XX века. Он глубоко исследовал труды Рихарда Дедекинда, Рене

Бэра, Эмиля Бореля, Жана Дьедонне. Творчеству Дьедонне, своего современника, Дюгак посвятил специальное исследование, опубликовав его научную биографию в книге «Jean Dieudonné, mathématicien complet» (Paris, 1995). Жан Дьедонне известен не только как математик широкого профиля, но и как один из основателей группы математиков, выступившей под псевдонимом Н.Бурбаки. Этот исключительно интересный и своеобразный феномен в науке неизбежно привлек внимание П.Дюгака и стал одним из сюжетов его исторических изысканий.

Основания математического анализа, его основные понятия и их эволюция стали главными темами математических изысканий П.Дюгака. В «Историко-математических исследованиях» (вып. 18, 1973 г.), по инициативе А.П.Юшкевича (который, как известно, многие свои исследования посвятил этой тематике), был опубликован доклад Дюгака «Понятие предела и иррациональные числа. Концепции Шарля Мере и Карла Вейерштрасса», сделанный им в 1971 г. на XIII Международном конгрессе по истории науки, проходившем в Москве.

Признание научных заслуг П.Дюгака было отмечено избранием его членом-корреспондентом Академии наук Института Франции (Париж, 1990 г.); членом Международной академии истории науки (1986 г., член-корреспондент с 1981 г.); вице-президентом Французского национального комитета по истории и философии науки (член Комитета с 1979 г.); почетным членом секции наук Института Великого герцогства Люксембург (1992 г.). В 1971—1988 гг. он исполнял обязанности секретаря Исполнительного комитета Международной комиссии по истории математики.

Семинар по истории математики при Институте Анри Пуанкаре, которым руководил П.Дюгак в 1977—1988 гг., пользовался заслуженной известностью. Результаты работы семинара публиковались в основанном П.Дюгаком издании «Cahiers du Séminaire d'Histoire des Mathématiques», которое он сам и редактировал.

Трудно перечислить названия съездов и конференций по истории математики, в которых участвовал П.Дюгак. Отметим здесь его помощь в организации и проведении последней в его жизни конференции, посвященной Эмилю Борелю. Эта конференция, темой которой была избрана математика во Франции в начале XX-го века, проходила в июле 1999 г. под патронажем Парижской академии наук, которую представлял П.Дюгак.

Однако не только история математических идей привлекала П.Дюгака. Он интересовался и социальной историей пауки. Особенно его интересовал круг вопросов, связанных с деятельностью

академика Н.Н.Лузина, а знание русского языка делало для него доступными русские источники. В 1978 г. он опубликовал со своими комментариями на страницах выпуска 23 «Историко-математических исследований» письма Н.Н.Лузина к А.Данжуа.

П.Дюгака уже давно интересовало так называемое «дело» академика Н.Н.Лузина и он основательно изучил историю СССР 1930-х годов. Он и его друг А.П.Юшкевич познакомили французских читателей с обстоятельствами этого «дела», опубликовав в 1988 г. совместную статью во французской «Газете математиков». Публикуемая статья П.Дюгака посвящена реакции на это «дело» французских математиков. На этом частном примере Дюгак хотел показать, как отражается тоталитаризм па повседневной жизни людей. Эта тема его интересовала в более широком аспекте, но полностью раскрыть ее он не успел.

Следует отметить, что П.Дюгак не только находил письма в частных архивах, но и умел находить живых свидетелей изучаемых им событий. Эта сторона деятельности ученого, делавшего все возможное, чтобы разыскать и сохранить для истории науки живые свидетельства, заслуживает самого пристального внимания и подражания.

Парижская академия наук отдала дань почтения своему сочлену 13 марта 2000. Друг П.Дюгака Роже Лоран (Roger Laurent), при участии вдовы ученого Жанны Дюгак (Jeanne Dugas), а также его коллег — Рене Татона (René Taton), Жан-Пьера Каана (Jean-Pierre Kahane) и Бернара Брю (Bernard Bru) — написал краткий некролог.

Н.С.Ермолаева